

**К XV Апрельской
международной
научной конференции
по проблемам развития
экономики и общества**

1–4 апреля 2014 г.
Москва

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПРИ УЧАСТИИ ВСЕМИРНОГО БАНКА
И МЕЖДУНАРОДНОГО ВАЛЮТНОГО ФОНДА

**Н.В. Акиндинова,
Я.И. Кузьминов,
Е.Г. Ясин**

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА НА ПОВОРОТЕ

Доклад

Издательский дом
Высшей школы экономики
Москва, 2014

УДК 338.1
ББК 65.05
А39

Акиндинова, Н. В., Кузьминов, Я. И., Ясин, Е. Г.
А39 Российская экономика на повороте [Текст] : докл. к XV Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 1–4 апр. 2014 г. / Н. В. Акиндинова, Я. И. Кузьминов, Е. Г. Ясин ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — 27, [1] с. — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1167-1 (в обл.).

УДК 338.1
ББК 65.05

ISBN 978-5-7598-1167-1

© Акиндинова Н.В., Кузьминов Я.И., Ясин Е.Г., 2014
© Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2014

Содержание

Введение	4
1. Четверть века рыночных преобразований: достижения и нерешенные задачи	5
2. Причина затухания роста производительности — консервация ресурсной модели экономики	10
3. Помогают ли государственные инвестиции оживить частные?.....	15
4. Динамика зарплаты и производительности — связь укрепляется.....	16
5. Инвестиции в человеческий капитал — необходимо повышение ответственности	21
Литература.....	27

Введение

За четверть века, прошедшие с начала рыночных преобразований, России удалось существенно укрепить свои позиции в мировой экономике. В 2008 г. подушевой ВВП России был выше уровня 1998 г. в 3,7 раза, а 1990 г. — в 2,14 раза. Россия поднялась по объему ВВП на 7-е место, а по ВВП на душу населения с 1998 г. к 2008 г. — с 78-го на 47-е место в мире. Однако в течение этого периода России так и не удалось в достаточной мере отойти от архаичных форм организации общества, связанных с отношениями господства — подчинения, или порядка «ограниченного доступа» в концепции Д. Норта. В конце концов эти отношения, неизменно воспроизводясь, стали ограничивать возможности для перехода к новой стадии экономического развития, опирающегося в большей степени не на доступ к нефтегазовой и административной ренте, а на рост производительности и эффективности.

Пробуксовка этих процессов привела к тому, что на рубеже 2012—2013 гг. замедление роста производительности труда охватило большинство секторов экономики, и даже начавшаяся в отдельных отраслях оптимизация избыточной занятости не может переломить общего тренда. Необходимые для модернизации и технологического обновления инвестиции частных компаний второй год подряд не вносят практически никакого вклада в общую динамику инвестиций. При этом иницилируемые и одобряемые государством инвестиционные проекты не в состоянии заполнить возникающие пробелы в экономике и обеспечить вовлечение частных инвестиций на партнерской основе. Напротив, роль архаических отношений господства — подчинения в организации экономических процессов еще больше усиливается.

В то же время перед лицом радикального замедления деловой активности и ресурсного сжатия в сфере оплаты труда развиваются процессы, меняющие всю систему трудовой мотивации, сложившуюся в 2000-е годы. Во-первых, радикальный сдвиг уровня зарплат в сферах образования, здравоохранения, науки, культуры относительно других секторов при всех недостатках реализации этого проекта имеет, наконец, все шансы стать необратимым и обеспечить со временем привлечение хороших кадров. В условиях низких темпов роста и растущих ресурсных ограничений работодатели в небюджетных секторах экономики теряют возможности повышать зарплаты высокими темпами вслед за бюджетниками.

В 2012–2013 гг. результатом этого процесса, а также сближения динамики цен производителей и потребительских цен (один из эффектов прекращения роста экспортных цен на энергоносители) стало сближение динамики покупательной способности зарплат в небюджетных секторах экономики и реальной производительности труда, хотя и на снижающемся тренде. Подобные структурные изменения, если будут закреплены, постепенно создадут условия для перехода массовых групп наемных работников от ренториентированной мотивации, сложившейся в 2000-е годы, к производительной. В свою очередь, у работодателей в условиях дорогого, но качественного предложения труда появятся стимулы больше инвестировать в трудосберегающие и высокопроизводительные технологии. Появление больших групп хорошо оплачиваемых квалифицированных работников является также необходимым условием выстраивания полноценной системы инвестиций в человеческий капитал, опирающейся на собственные заработанные (а не свалившиеся в виде нефтяного дождя) доходы и личную ответственность за свое настоящее и будущее.

1. Четверть века рыночных преобразований: достижения и нерешенные задачи

2013 г. не внес заметных изменений в ожидания экономистов относительно ближайших перспектив экономики России: тенденция к снижению темпов роста до уровня примерно 1,5–2% в год, зародившаяся еще в середине 2012 г., закрепилась к началу 2013 г. и продержалась до настоящего времени. Складывается впечатление, что эта тенденция носит устойчивый характер, формируемый той комбинацией факторов, которая сложилась после фазы высоких темпов 2003–2008 гг. (7–7,3%), кризиса 2008–2009 гг. и послекризисного выравнивания 2010–2011 гг. Картина 2013 г. с темпами 1,3% при инфляции 6–7% имеет шансы сохраниться и в 2014 г., а то и на более длительный период.

Существенно то, что в минувшем году Россия показала темпы ниже США и Европейского союза. Это ставит под вопрос выполнение принятой у нас концепции модернизации: опережение развитых стран по темпам роста ВВП и производительности есть критерий успеха модернизации, которую мы поставили перед собой как задачу и которая реально является для нас жизненной

необходимостью. Одно из двух: либо эта задача для нас неразрешима, и тогда от нее нужно отказаться, либо она не решается при сложившихся условиях, включая нынешнюю экономическую политику. И тогда политику, не только экономическую, потребуется менять.

Следует подчеркнуть, что Россия — страна, перенесшая около четверти века назад глубокую политико-экономическую революцию: 1) полный комплекс взаимодополняющих экономических реформ — переход от планового хозяйства к рыночной экономике; 2) распад великой империи и создание национального государства; 3) создание демократической политической системы. Последняя задача начала решаться в 1989–1993 гг., но затем продвижение по этому направлению затормозилось, и сейчас вопрос находится в повестке дня.

Вернемся к экономике. Глубокий трансформационный кризис продолжался почти 7 лет (1992–1998 гг.). С 1999 по 2003 г. начался подъем экономики, обусловленный девальвацией рубля, другими антикризисными мероприятиями, но, видимо, главное — ранее проведенными рыночными реформами: молодой бизнес стал реагировать на увеличение ликвидности и на другие возможности, которые теперь открывались перед ним. Это был первый этап восстановительного роста. На втором этапе (2003–2008 гг.) важнейшим фактором подъема стало оживление нефтяного рынка.

Пройден был пик падения цен на нефть, российский нефтяной бизнес в 2000 г. принес втрое больше дохода, чем в 1998 г. А с 2003 г., когда цены на нефть поднялись до 27 руб. за баррель, каждый год они росли на 12–15%.

С начала 2000 г. с приходом во власть новых людей стал обостряться конфликт между бизнесом и бюрократией, тянувшийся с 1997 г. К 2003 г. он приобрел открытый характер, бизнес потерпел чувствительное поражение и, надо полагать, понизил деловую активность. Но одновременно стали повышаться цены на нефть. Собственно, острота конфликта диктовалась во многом тем, кто в основном будет получать выгоды на рынке нефти и газа. Растущие доходы от экспорта углеводородов перекрыли спад деловой активности и поддержали начавшийся восстановительный рост. Он продолжался до 2008 г., когда подушевой ВВП составил — по данным Всемирного банка — 20,3 тыс. долл./год. В 2012 г., несмотря на спад 2008–2009 гг., подушевой ВВП России составил уже 23,5 тыс. долл. Это примерно 92% от уровня Португалии, которую мы хотели догнать в начале восстановительного роста.

Приведем еще несколько цифр, которые позволяют судить о глубине падения России в годы реформ, а также трансформационного кризиса (1990–1998 гг.) и последующего восстановительного роста (1999–2008 гг.). Правда, особенности измерений с учетом покупательной способности валют (при высоких темпах роста) заставляют оценивать соотношение этих показателей с осторожностью, в постоянных ценах — несколько ниже.

В 1998 г. — нижней точке трансформационного кризиса, подушевой ВВП России составил 5,493 тыс. долл. Глубина спада по сравнению с 1990 г., последним годом советской экономики, оценивается в 58%. Исходя из этого примем подушевой доход 1990 г. в 9,47 тыс. долл. Все эти цифры оценены по паритету покупательной способности. В 2008 г. подушевой ВВП России был выше уровня 1998 г. в 3,7 раза, а 1990 г. — в 2,14 раза.

В целом восстановительный рост оказался успешным. Россия добилась укрепления своих позиций в мировой экономике, заняв по объему ВВП 7-е место в мире. Как уже упоминалось, по ВВП на душу населения с 1998 г. к 2008 г. Россия поднялась с 78-го на 47-е место.

Для сопоставлений ныне широко применяется также показатель душевого ВВП в процентах к уровню США. Если в 1998 г. этот показатель составлял 24,3% от уровня США, то к 2008 г. он поднялся до 43%. Можно сказать, что более высокого уровня у нас не было прежде никогда.

Следует отметить, что наше скромное место среди стран по душевому ВВП, а также по доле к указанному показателю США (где-то в середине списка), заставляет серьезно размышлять о наших достижениях и перспективах.

В годы восстановительного роста могло показаться, что факторы, движущие его, будут достаточными для решения задач модернизации, и надолго. Увы, оказалось не так. Рассчитывать на постоянный высокий темп роста цен на нефть и (или) на бесконечное поддержание ее добычи при приемлемых издержках неразумно.

В 2008–2009 гг. начался новый кризис, уже не связанный с реформами и трансформационным кризисом в России, мировой кризис, получивший отклик и у нас. В 2009 г. был отмечен самый глубокий спад — 7,8% ВВП. Но в последующие два года этот спад был компенсирован (4,5 и 4,3% в 2010–2011 гг.). В 2012 г., однако, годовые темпы снизились до 3,4%, причем до 1,5% — во второй половине года. В 2013 г. такие темпы сохранялись весь год. Становится ясно, что в экономике происходит качественный перелом:

высокие темпы 1999–2008 гг. устойчиво сменяются на более низкие — 1,5–2% вместо 6–7% в год. Начав с этих цифр наш доклад, мы теперь возвращаемся к ним с тем, чтобы рассмотреть объяснения происходящих процессов и подумать о целесообразных изменениях в экономической политике.

Можно все списать на мировой кризис. Это будет справедливо, но лишь отчасти. Сейчас наши темпы ниже, чем в основных развивающихся странах, осуществляющих «позднюю» индустриализацию, имеющих к тому же многочисленное население, очень емкий рынок и продолжающих использовать экспортные рынки по всему миру, предлагая дешевую продукцию. Конкурировать с преимуществами этих стран мы не в состоянии, хотя указанные преимущества постепенно сокращаются: растет заработная плата и экспортные цены на товары, конкуренция усиливается, развивающиеся страны должны в большей мере рассчитывать на свои внутренние рынки. Но пока мы занимаем неблагоприятные конкурентные позиции против этих стран.

В последнее время мы вынуждены констатировать некоторое, пусть незначительное, отставание по темпам и от развитых стран. Пусть это отставание носит временный, случайный характер и в будущем нас ожидает поддержание темпов на том же уровне, 2–2,5% в год, как у развитых стран. Но это означает, что модернизация для нас будет недоступной: только освоение того, что уже освоено более передовыми странами. И всегда отставание, вечное пребывание в разряде развивающихся стран, в числе которых окажутся и такие, которые, подобно Японии, Южной Корее или Сингапуру, смогут перейти в разряд развитых. Это означало бы наше нарастающее отставание. Мы не стараемся сгущать краски, это просто худший, но вполне вероятный сценарий из всех возможных.

Вывод, который следует сделать, состоит в том, что в относительно короткое время в целях модернизации и успешного развития экономики предстоит произвести существенные изменения в экономической политике, но, возможно, еще больше — в политической и правовой системах, чтобы создать благоприятные условия для повышения темпов экономического роста.

Анализ показывает, что рост российской экономики на следующем этапе не может быть достигнут за счет экстенсивных факторов. Население, в том числе экономически активное, видимо, будет сокращаться или, в лучшем случае, окажется стационарным. Увеличение основного капитала, в том числе за счет повышения

доли накопления, в принципе возможно, но при этом следует иметь в виду, что просто увеличение объемов выпуска без повышения производительности в складывающихся условиях крайне невыгодно. Рост производительности, эффективности — ключ к решению проблем российской экономики. Но вряд ли серьезное повышение эффективности окажется возможным только за счет увеличения инвестиций, особенно государственных. Требуется радикальное улучшение инвестиционного климата при усилении стимулов **конкуренции**. Предпринимательская деятельность должна стать более **свободной**, но в то же время необходимо ее ввести в более простые, но строгие рамки **права**.

Выше как бы декларированы задачи, которые следует решить. О них с точки зрения требуемых конечных результатов, можно сказать без особых преувеличений, — известно всем. Но как это сделать? В том-то и дело, что речь идет о сложнейшей задаче осуществления масштабных культурных сдвигов, в ходе которых затрагиваются интересы различных групп и слоев населения, меняются институты, порядки, готовность общества к их соблюдению. Речь идет о третьей, еще не решенной проблеме — демократизации.

В течение веков Россия отличалась от Европы господством самодержавия, которое на деле заключалось не только в бесконтрольной власти царя, но и в сходных отношениях господства и подчинения между людьми из разных сословий и слоев населения. Только с середины XIX в. начались перемены, призванные привести страну к более современным общественным формам. Эти перемены давались с большим трудом. В 1917 г. во время войны они повернулись в сторону большевистской революции, претендовавшей на реализацию самых социально-справедливых и гуманистических идеалов. Но в конечном итоге они привели к формированию общества, во многом сходного с тем, которое было в России до 1861 г. Во многих отношениях это был возврат назад, к давним крепостным традициям.

События перестройки и реформ 1990-х годов, казалось, снова вернули нас на путь к современности, к рыночной экономике и идеям политической демократии. Но опять возникли осложнения, которые мы и сейчас переживаем. При этом проявляются привычки, нормы, институты, которые усвоены еще в рамках традиций другого, в том числе очень давнего времени. Дальнейшее развитие российской экономики и общества ставит нас перед необходимостью найти пути, «как сделать» утверждение новых для нас норм

общества «открытого доступа» взамен «ограниченного доступа» известного нам «естественного государства»¹.

Норма привычного — «суровость законов при необязательности их исполнения» — должна уйти в прошлое. Речь не столько о разовых масштабных реформах, но более об изменениях в тысячах случаев, о последовательном формировании новых институтов.

2. Причина затухания роста производительности — консервация ресурсной модели экономики

В 2003–2007 гг. высокие темпы экономического роста в России в значительной мере обеспечивались растущим притоком экспортной выручки. Опираясь на растущие нефтяные цены, российский бюджет стал очень устойчивым, что обеспечило быстрое повышение странового рейтинга и открыло для российских предприятий и банков международные рынки капитала. Поступление ресурсов по этим двум каналам позволяло наращивать внутренний спрос и создало условия как для более полной загрузки существующих производственных мощностей, так и для новых инвестиций, в том числе в технологическое обновление, а также для опережающего развития новых видов экономической деятельности, прежде всего в неторгуемых секторах (сфера услуг) (рис. 1).

В 2003–2007 гг. растущий уровень внешнего и внутреннего спроса был стимулом для увеличения совокупных затрат труда², но в гораздо большей степени для роста производительности труда, которые вместе обеспечивали рост производства в среднем на 7,5% в год (рис. 2).

Во время кризиса 2008–2009 гг., когда Россия испытала внешний шок от падения цен на нефть и «закрытия» внешних рынков капитала, экономика отреагировала временным сокращением спроса на труд, вдвое меньшим, чем падение производства, что сопровождалось снижением производительности труда. За период послекризисного восстановления, который пришелся на

¹ Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. *Насилие и социальные порядки*. М., 2011.

² Используемые Росстатом при расчете индексов производительности труда показатели общего количества отработанного времени на всех видах работ и количества рабочих мест (работ) в эквиваленте полной занятости.

Рис. 1. Приток ресурсов в Россию по каналам топливного экспорта и притока капитала, млрд долл.

Источник: Банк России.

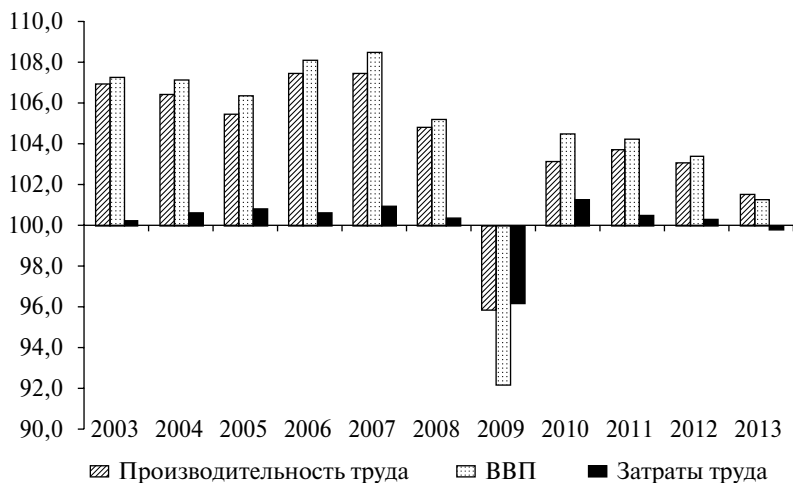

Рис. 2. Производство ВВП в постоянных ценах, производительность труда* и затраты труда**, % год к году

* Оценка динамики затрат труда в 2013 г. сделана на основе опубликованной Росстатом оценки динамики численности занятых.

** Оценка динамики производительности труда за 2013 г. получена путем деления индекса ВВП на полученный индекс затрат труда.

Источники: Росстат; расчеты НИУ ВШЭ.

2010–2011 гг., объем ВВП вернулся на уровень 2008 г., при этом производительность труда в целом по экономике оказалась выше докризисного уровня на 2,6%, а уровень затрат труда не восстановился, оставшись ниже докризисного.

В 2012–2013 гг. Россия столкнулась с прекращением роста внешнего спроса на углеводороды при весьма умеренных возможностях привлечения зарубежного капитала. Возможности для продолжения роста, опирающегося на постоянное увеличение ресурсов, таким образом оказались исчерпаны, однако сложившиеся экономические механизмы в условиях замедления динамики спроса продолжают функционировать по инерции.

Рост ВВП замедлился до 3,4% в 2012 г. и 1,3% в 2013 г. При этом, если в 2012 г. динамику ВВП поддерживали неторгуемые сектора (G, H, I, K), то в 2013 г. замедление роста приняло фронтальный характер. Лишь сельское хозяйство и рыболовство продемонстрировали темпы роста выше 3%, что объясняется типичной для этих отраслей повышенной волатильностью (табл. 1).

Несмотря на замедление производства, совокупный объем затрат труда в экономике за 2012–2013 гг. практически не изменился, но продолжала меняться их структура. В 2000-е годы явно преобладала тенденция к сокращению занятости в торгуемых секторах (A, B, C, D) и ее постепенному перетоку в неторгуемые сектора за исключением транспорта и связи (E, F, G, H, K). В последние два года эта тенденция в целом сохраняется, затраты труда в торгуемых секторах продолжают сокращаться, исключением стала добыча полезных ископаемых, затраты труда в которой увеличивались как в 2012 г., так и в 2013 г. Что касается неторгуемых секторов, рост затрат труда продолжился везде, за исключением оптовой и розничной торговли, где они в последние два года сокращались, а также в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды (сокращение в 2013 г.) (см. табл. 1).

Благодаря снижению затрат труда темпы роста производительности труда в торгуемых секторах (за исключением добычи полезных ископаемых) за 2012–2013 гг. были положительными и превышали темпы роста ВДС.

В то же время в неторгуемых секторах, за исключением оптовой и розничной торговли и производства и распределения электроэнергии, газа и воды, рост производительности труда в 2012–2013 гг. остановился, либо начал снижаться.

В целом более позитивную динамику роста производительности в последние два года сохранили те сектора экономики, в ко-

Таблица 1. Производство ВВП (ВДС) в постоянных ценах, производительность труда и затраты труда по видам экономической деятельности, % год к году

	Коды	2003–2007 (среднегодовой индекс)				2012			2013	
		Произво- дитель- ность труда	ВВП/ ВДС по ВЭД	Затраты труда	Произво- дитель- ность труда	ВВП/ ВДС по ВЭД	Затраты труда	Произво- дитель- ность труда**	ВВП/ ВДС по ВЭД	Затраты труда *
Всего		106,8	107,5	100,7	103,1	103,4	100,3	101,5	101,3	99,8
Сельское хозяйство, охота и лесное хо- зяйство	A	103,9	100,7	96,9	98,1	97,1	99,0	105,1	103,2	98,2
Рыболовство, рыбо- водство	B	101,5	99,1	97,7	103,1	101,9	98,8	107,5	103,8	96,6
Добыча полезных ископаемых	C	105,8	103,9	98,2	99,4	101,6	102,2	96,3	100,9	104,9
Обрабатывающие производства	D	108,3	107,1	98,9	103,6	102,7	99,1	101,5	100,8	99,3
Производство и рас- пределение электро- энергии, газа и воды	E	101,5	102,1	100,6	99,7	100,2	100,5	102,8	98,4	95,8
Строительство	F	109,2	111,7	102,3	99,6	102,5	103,0	95,8	97,6	101,9
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мото-										

Коды	2003–2007 (среднегодовой индекс)			2012			2013		
	Производительность труда	ВВП/ВДС по ВЭД	Заплаты труда	Производительность труда	ВВП/ВДС по ВЭД	Заплаты труда	Производительность труда**	ВВП/ВДС по ВЭД	Заплаты труда*
циклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	108,2	111,7	103,2	105,2	103,8	98,7	103,0	101,1	98,1
Гостиницы и рестораны	105,8	107,5	101,7	101,8	103,8	101,9	100,0	101,9	101,9
Транспорт и связь	107,3	106,7	99,5	100,8	103,8	102,9	99,5	100,9	101,4
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	107,7	108,1	100,3	101,7	106,4	104,6	98,4	101,6	103,2

* Оценка динамики затрат труда в 2013 г. сделана на основе динамики численности занятых по видам экономической деятельности на основной работе по данным Обследования занятости (по экономике в целом за 2013 г., по отдельным ВЭД за три квартала 2013 г. по отношению к трем кварталам 2012 г.), скорректированной на среднее отклонение соответствующих индексов затрат труда от индексов численности занятых в 2010–2012 гг.

** Оценка динамики производительности труда за 2013 г. получена путем деления индекса ВВП (валовой добавленной стоимости по видам экономической деятельности) на полученный индекс затрат труда.

Источники: Росстат; расчеты НИУ ВШЭ.

торых происходило сокращение затрат труда. Но, даже в этих секторах избежать замедления роста производительности не удастся, поскольку не преодолеваются ограничения, связанные с технологической отсталостью и недостатком конкуренции.

3. Помогают ли государственные инвестиции оживить частные?

Очевидно, что целый ряд факторов, предопределяющих негативную динамику производительности труда, связан с недостатком инвестиций как в технологическое обновление производств, так и в инфраструктуру. В 2013 г. реальный прирост инвестиций по полному кругу предприятий составил всего 0,2%. При этом инвестиции крупных и средних предприятий, по предварительной оценке, сократились в реальном выражении на 5,7%. Понятно, что при таких тенденциях задача увеличения доли инвестиций в ВВП является невыполнимой.

В структуре прироста инвестиций крупных и средних предприятий в последние годы практически отсутствовал вклад отраслей, которые относятся к негосударственному и несырьевому секторам экономики (рис. 3). Практически все колебания в динамике инвестиций начиная с 2010 г. объяснялись изменением инвестиционной политики бюджета, компаний с госучастием и производителей углеводородов. Все это означает, что госинвестиции в России не оказывают желаемого позитивного эффекта на динамику частных инвестиций. Побудить частный бизнес инвестировать без институциональных изменений нельзя, так же как и подменить частные инвестиции государственными проектами. Возможность получения государственных средств продолжает подкреплять ренториентированное поведение в ущерб производительному, поэтому реализованные в последнее время крупные проекты (такие как подготовка к саммиту АТЭС) способны обеспечивать лишь краткосрочные эффекты, после которых инвестиционная и деловая активность вновь сворачивается.

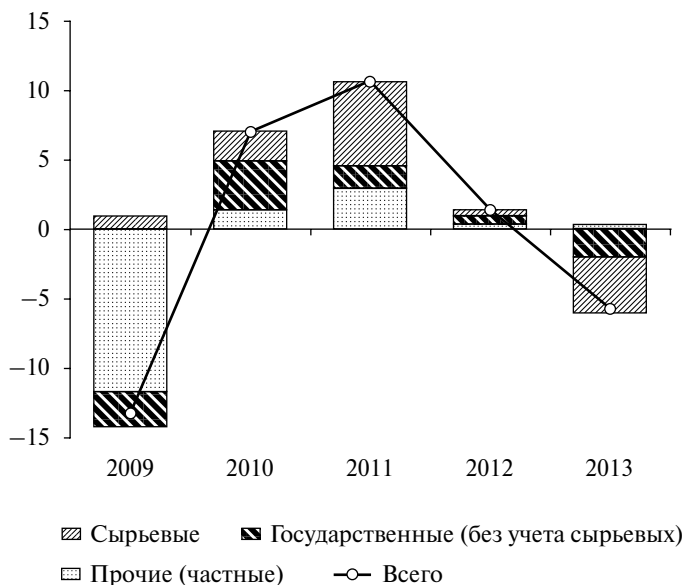

Рис. 3. Структура физического прироста инвестиций в основной капитал по группам видов экономической деятельности (крупные и средние предприятия), п.п.

Источники: Росстат; расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

4. Динамика зарплаты и производительности — связь укрепляется

В 2000-е годы быстрый рост зарплат поддерживался постоянным притоком ресурсов от растущих цен на нефть. В период 2003–2007 гг. динамика реальной средней зарплаты в экономике, рассчитываемая по методологии Росстата, существенно опережала рост производительности труда (рис. 4). Главной технической причиной расхождения является разница в динамике цен производителей, используемых при дефлировании показателей динамики выпуска и добавленной стоимости, и индекса потребительских цен, используемого при дефлировании индексов средней зарплаты [Капелюшников, 2009; 2014]. Большой разрыв в динамике дефляторов в 2000-е годы объяснялся, с одной стороны, прямым и косвенным (через рост спроса) влиянием цен на нефть на ди-

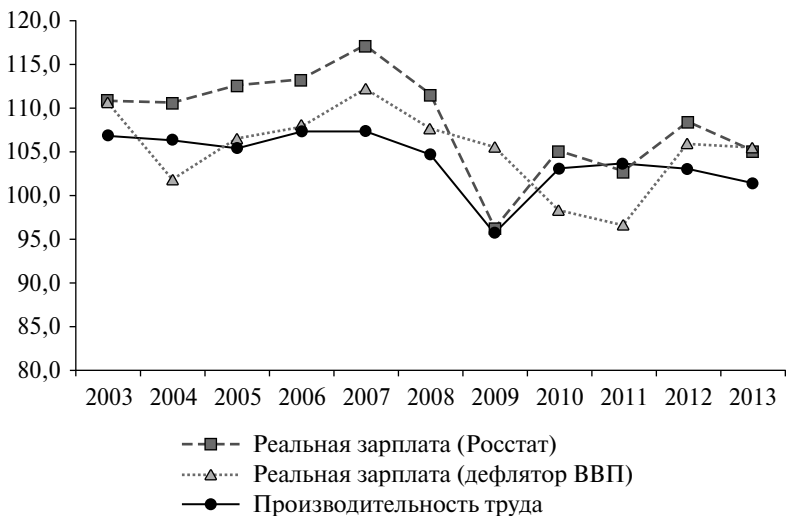

Рис. 4. Динамика реальной зарплаты и производительности труда, % год к году

Источники: Росстат; расчеты НИУ ВШЭ.

наимку цен производителей, с другой — конкуренция со стороны импортных товаров в условиях проведения умеренной монетарной политики тормозила рост ИПЦ. Действие этого механизма обеспечивало возможности для опережающего роста реальной покупательной способности зарплат по сравнению с реальной динамикой выработки на одного работника, не подрывая финансовую стабильность предприятий, и позволяло последним наращивать инвестиции.

Вместе с тем опережающий рост покупательной способности зарплат по сравнению с реальной производительностью, характерный для середины 2000-х годов, ограничивал мотивацию работников к повышению производительности, вместе с высокой дифференциацией зарплат способствовал формированию рентоориентированного поведения.

После кризиса 2008–2009 гг. ситуация стала меняться. Рост нефтегазовых доходов экономики прекратился, хотя и стабилизировался на высоком уровне. Стали нарастать ограничения со стороны предложения рабочей силы (сокращение численности трудоспособного населения). При этом сохранялась как высокая

межотраслевая дифференциация зарплат, обусловленная сложившейся структурой экономики, так и высокая дифференциация зарплат между категориями занятых.

Политика государства в 2012–2013 гг. была направлена на преодоление неравенства зарплат путем подтягивания к среднему уровню по регионам оплаты труда в бюджетной сфере. При этом, поскольку в бюджетном секторе занята значительная часть населения, усилия, направленные на повышение оплаты труда бюджетников, непосредственно приводят к ускорению роста средней зарплаты в экономике.

Вместе с тем анализ отраслевой динамики в 2012–2013 гг. показал, что в небюджетных секторах экономики изменение производительности труда становится ключевым фактором, определяющим динамику покупательной способности реальной зарплаты по видам экономической деятельности, связанным с производством товаров и услуг (табл. 2). Так, замедление динамики производительности в 2013 г. сопровождалось замедлением роста реальных зарплат во всех секторах за исключением операций с недвижимым имуществом, аренды и предоставления услуг. Таким образом, хотя повышение оплаты труда в бюджетной сфере и оказывало повышающее давление на рост зарплат в небюджетных секторах, это влияние было ограниченным.

Кроме того, в 2013 г. по экономике в целом и по большинству ВЭД сблизилась оценки динамики реальной зарплаты, полученные с использованием среднегодового индекса потребительской инфляции и дефляторов ВВП (ВДС). Расхождения более 1,5 п.п. сохранились лишь по ВЭД «Рыболовство, рыбоводство» и «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды». Сближение динамики различных дефляторов объясняется стабилизацией цен на углеводороды и сокращением их влияния на динамику внутренних цен производителей.

В новых условиях часто возникает вопрос: нужно ли добиваться эффективности, ограничивая динамику зарплаты, или же, наоборот, рост зарплаты может создать дополнительные стимулы для повышения производительности и эффективности?

Нужно учитывать, что Россия уже перешла в категорию стран со средним уровнем дохода. Это значит, что она уже не может конкурировать по стоимости рабочей силы с развивающимися странами и все еще заметно отстает по уровню зарплаты от развитых стран. Уровень (и темпы роста) ее зарплаты не являются значимым ограничением конкурентоспособности. Это также означает, что

Таблица 2. Динамика реальной заработной платы и производительности труда по видам экономической деятельности, % год к году

	Коды	2011			2012			2013		
		Производительность труда	Реальная зарплата (Росстат)	Реальная зарплата (дефляторы ВДС)	Производительность труда	Реальная зарплата (Росстат)	Реальная зарплата (дефляторы ВДС)	Производительность труда	Реальная зарплата (среднегод. ИПЦ по оценке МЭРУ)*	Реальная зарплата (дефляторы ВДС)*
Всего		103,8	102,8	96,8	103,1	108,4	106,0	101,5	105,2	105,5
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	А	115,1	107,7	97,4	98,1	107,9	110,5	105,1	105,0	105,6
Рыболовство, рыбоводство	В	103,5	100,6	111,6	103,1	107,1	109,9	107,5	104,8	110,5
Добыча полезных ископаемых	С	102,2	104,3	88,0	99,4	106,3	99,5	96,3	101,2	102,2
Обрабатывающие производства	Д	104,7	105,3	97,0	103,6	107,1	109,0	101,5	103,7	103,1
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	Е	100,3	102,9	94,9	99,7	103,9	108,7	102,8	103,1	100,2
Строительство	Ф	102,2	103,1	96,3	99,6	104,3	99,1	95,8	100,5	100,9

Окончание табл. 2

	Коды	2011			2012			2013		
		Производительность труда	Реальная зарплата (Росстат)	Реальная зарплата (дефляторы ВДС)	Производительность труда	Реальная зарплата (Росстат)	Реальная зарплата (дефляторы ВДС)	Производительность труда	Реальная зарплата (среднегод. ИПЦ по оценке МЭР)*	Реальная зарплата (дефляторы ВДС)*
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	G	102,1	98,3	96,8	105,2	105,0	106,1	103,0	103,9	105,2
	H	99,5	100,6	100,4	101,8	107,7	103,6	100,0	103,8	102,3
	I	105,5	103,1	106,8	100,8	104,6	101,3	99,5	103,2	104,6
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	K	102,7	101,6	100,3	101,7	104,2	102,4	98,4	104,6	103,6

*Для расчета динамики реальной зарплаты в 2013 г. использовался индекс номинальной зарплаты по ВЭД за январь — ноябрь 2013 г. по отношению к январю — ноябрю 2012 г.

Источники: Росстат; расчеты НИУ ВШЭ.

возможное ограничение роста зарплат не обеспечит роста конкурентоспособности.

Вместе с тем, если в рамках достаточно жестких бюджетных ограничений давление в сторону повышения зарплаты продолжится, то в конкурентной среде естественным выходом для предприятий (как и для организаций бюджетной сферы) станет сокращение малопроизводительных работников и перераспределения ресурсов в пользу высокопроизводительных. Также у производителей, при прочих равных, появятся стимулы инвестировать в новые высокопроизводительные технологии, требующие меньшего участия труда, в то время как у работников появятся стимулы инвестировать в свой собственный человеческий капитал.

5. Инвестиции в человеческий капитал — необходимо повышение ответственности

Бюджетная консолидация после кризиса 2008–2009 гг. в России завершилась уже к 2011 г. В 2013 г. федеральный бюджет был сведен с минимальным дефицитом и в целом в 2012–2013 гг. бюджетная политика в первую очередь была направлена на достижение макроэкономической стабилизации. Вместе с тем вступившее в силу с 2012 г. бюджетное правило обладает выраженным контрциклическим эффектом только по отношению к рискам, связанным с возможным падением цен на нефть. По отношению к изменениям темпов экономического роста, связанным с иными факторами, оно скорее работает проциклически (ухудшение ожидаемой динамики ВВП требует сокращения плановой динамики расходов, и наоборот).

Общий уровень расходов бюджетной системы в 2011–2013 гг. был достаточно стабильным (36–37% ВВП), однако в условиях замедления темпов экономического роста увеличилась доля обязательств, приходящихся на региональные бюджеты, что привело к их разбалансированности, резкому увеличению дефицита и долга.

Ключевые параметры проекта Бюджетной стратегии предполагают³, что, как в ближайшие годы, так и в долгосрочной перспективе, динамика доходов бюджетной системы будет отставать

³ В настоящее время обсуждение проекта Бюджетной стратегии продолжается.

от динамики ВВП из-за относительного сокращения нефтегазовых поступлений при сохранении относительно стабильного уровня налоговой нагрузки на ненефтегазовый сектор экономики. При условии соблюдения бюджетного правила это означает постепенное снижение общей величины расходов бюджетной системы относительно ВВП (табл. 3).

Таблица 3. Основные параметры бюджетной системы, % ВВП

	2013	2014	2015	2016	2020	2025	2030
Доходы	35,7	35,5	35,0	35,1	34,0	33,1	32,3
В том числе федеральный бюджет	19,15	18,5	18,3	18,3	16,5	15,8	15,1
Расходы	36,8	36,6	36,4	35,8	34,1	33,2	32,1
В том числе федеральный бюджет	19,61	19,0	19,3	18,9	16,6	15,7	15,0
Дефицит (-)/профицит (+)	-1,2	-1,1	-1,5	-0,7	-0,2	-0,1	0,1
В том числе федеральный бюджет	-0,46	-0,5	-1,0	-0,6	-0,2	0,1	0,1

Источник: Оценки для консервативного сценария долгосрочного прогноза Минэкономразвития.

Несмотря на ожидаемое сокращение уровня расходов федерального бюджета относительно ВВП, зависимость финансирования его расходов от нефтегазовых поступлений в ближайшие годы остается высокой (рис. 5). При сохранении цен на нефть на уровне около 100 долл./барр. возможности для сбережения нефтегазовых доходов практически отсутствуют.

В условиях нарастающих ресурсных ограничений бюджетные инвестиции в человеческий капитал остаются недофинансированными. Согласно проектировкам Минфина России, содержащимся в Основных направлениях бюджетной политики на 2014–2016 гг., а также в рассматривавшихся вариантах Бюджетной стратегии, при прочих равных условиях возможности бюджетного финансирования расходов на образование в ближайшие годы не выйдут за пределы 4% ВВП, а на здравоохранение — за пределы 3–3,5% ВВП, что ниже не только уровней развитых стран, но и стран Восточной Европы и совершенно недостаточно для полноценного развития этих сфер. Можно выделить следующие основные причины тако-

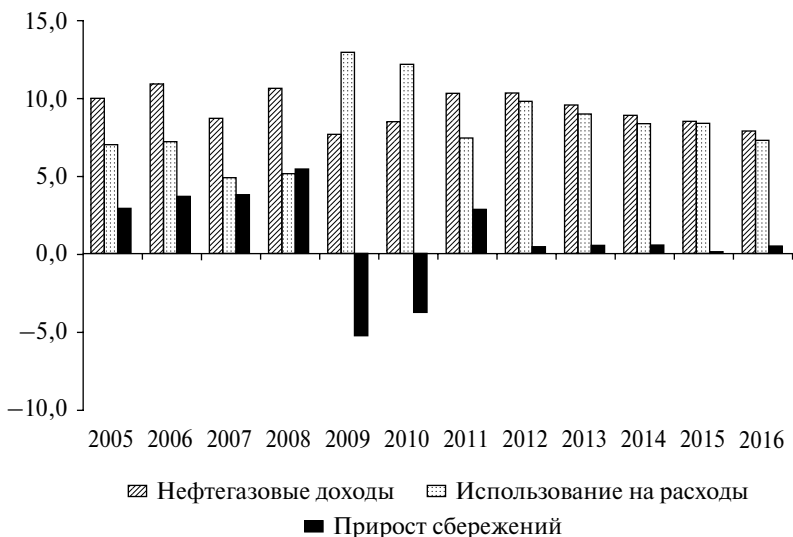

Рис. 5. Нефтегазовые ресурсы федерального бюджета, % ВВП

Источники: Минфин России; оценки НИУ ВШЭ.

го положения — нерешенные проблемы несбалансированности краткосрочных и долгосрочных целей социальной и бюджетной политики, смещенные приоритеты бюджетных расходов, проблемы разграничения ответственности федерального бюджета и регионов, а также разграничения ответственности бизнеса и населения за финансирование инвестиций в человеческий капитал.

Краткосрочные и долгосрочные цели социальной бюджетной политики. Проведенное в 2012–2013 гг. повышение зарплат в бюджетной сфере было мотивировано в большей степени политическими и социальными, т.е. краткосрочными целями. Далеко не всегда такое повышение сопровождается началом процессов кадрового обновления и повышением требований к квалификации и качеству работы, поскольку это может стать поводом для недовольства. Тем не менее очевидно, что без реального перехода на принципы «эффективного контракта» невозможно добиться долгосрочных эффектов, связанных с повышением отдачи от инвестиций в человеческий капитал.

Приоритеты бюджетных расходов. Бюджетный маневр, разработанный экспертами Стратегии — 2020 и предполагавший из-

менение приоритетов бюджетных расходов в сторону финансирования образования, здравоохранения и инфраструктуры в обмен на растягивание на более длительный срок реализации программы вооружений, ограничение расходов на правоохранные органы и поддержку предприятий, так и не был реализован и, вероятно, откладывается на неопределенный срок, поэтому выделения необходимых объемов средств для инвестиций в человеческий капитал в рамках консервативной бюджетной стратегии ждать неоткуда.

Ответственность федерального бюджета и регионов. В 2012–2013 гг. расходы на повышение зарплат в бюджетной сфере до уровня «эффективного контракта», приходящиеся на субфедеральный уровень, были профинансированы из федерального бюджета на треть от необходимого объема, что привело к возникновению проблемы «нефинансируемых» мандатов. По итогам 2013 г. 15 регионов практически исчерпали возможности финансирования растущего дефицита за счет заимствований, другие в условиях ухудшающейся динамики доходов были вынуждены сокращать расходы на материальное обеспечение и инвестиции, в том числе и в сферах образования и здравоохранения. На наш взгляд, смягчение проблемы нефинансируемых мандатов в условиях стагнации/рецессии, не связанных с падением цен на нефть, требует усиления контрциклической политики федерального бюджета, в первую очередь в отношении совокупных объемов предоставляемой регионам помощи. Что же касается системного решения проблемы — здесь нельзя обойтись без привлечения дополнительных источников.

Ответственность бизнеса и населения. Обострение перечисленных выше бюджетных проблем делает необходимым повышение ответственности бизнеса и населения за сферы инвестиций в человеческий капитал. Необходимо сказать, что в условиях вялой экономической активности относительное сокращение бюджетных доходов не может быть компенсировано повышением налоговой нагрузки на сектор корпораций, хотя определенные резервы повышения налогов сохраняются, например, в газовой отрасли. Имеются возможности привлечения дополнительных ресурсов крупных компаний для финансирования отдельных социальных программ, однако в целом при низких темпах экономического роста в бизнесе будут преобладать тенденции к сокращению издержек.

Государству же до сих пор удавалось избежать конфликта с населением и успешно воспроизводить патерналистскую модель вза-

имоотношений, поддерживая иллюзию того, что основная часть расходов социального характера обеспечивается за счет нефтегазовых поступлений. На самом деле с учетом распределения конкретных направлений доходов и расходов по уровням бюджетной системы нефтегазовые поступления примерно наполовину обеспечивают финансирование расходов на силовые структуры, в то время как до 90% расходов на образование и здравоохранение уже финансируется за счет налогов, уплачиваемых гражданами и предприятиями в региональные бюджеты и фонд обязательного медицинского страхования. Единственным направлением социальных расходов, в финансировании которого нефтегазовые поступления продолжают играть существенную роль (20–30%), являются расходы на выплату пенсий (рис. 6).

В меньшей степени иждивенческие настроения граждан объясняются тем, что реально осознаваемая налоговая нагрузка на

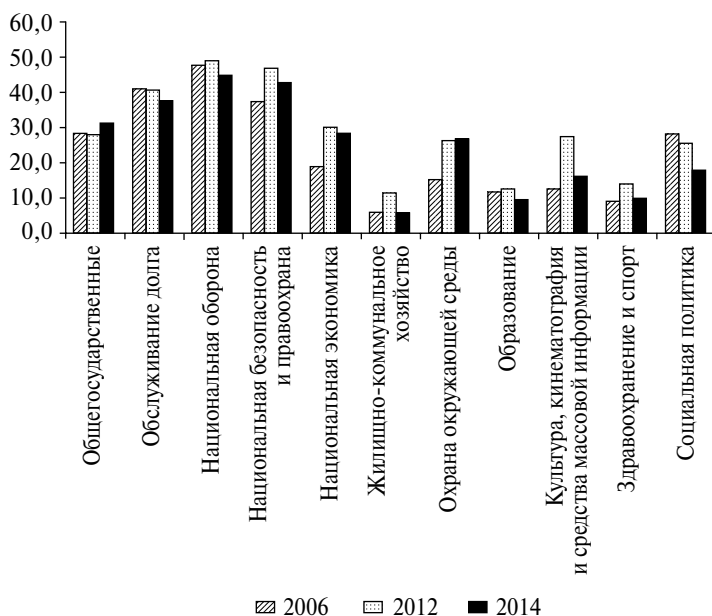

Рис. 6. Вклад нефтегазовых поступлений в финансирование отдельных направлений расходов бюджетной системы, %

Источники: Минфин России; расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

их заработки до сих пор ограничивается 13%-ным подоходным налогом. Хотя суммарная налоговая нагрузка в России не является чрезмерной, большая часть обязательств по уплате налогов и других обязательных платежей приходится на работодателей, в том числе обязательства по уплате социальных отчислений от фонда оплаты труда вместо работников.

На наш взгляд, в перспективе нескольких лет повышение ответственности населения за формирование ресурсов систем образования, здравоохранения, пенсионной системы является неизбежным, в том числе через повышение роли частного финансирования услуг в этих сферах. База для этого сформирована благодаря быстрому росту зарплаты и доходов населения в предыдущие годы. Повышение нагрузки на население может быть социально приемлемым при условии сохранения в будущем положительной динамики доходов.

Параллельно с этим стоило бы, наконец, начать постепенный перенос налоговой нагрузки с работодателей на работников (в обмен на повышение зарплаты)⁴. Это, с одной стороны, позволило бы добиться повышения ответственности работников за уплату налогов и готовности мотивированно следить за эффективностью расходов и качеством услуг, предоставляемых в бюджетном секторе. С другой стороны, работодатели получают по крайней мере субъективное снижение уровня налоговой нагрузки. Это также означает, что попытки государства добиться выхода из тени и уплаты налогов будут в меньшей степени направлены на предпринимательский сектор, и тем самым станут меньше угнетать его экономическую активность.

⁴ За последовательное продвижение этой идеи мы благодарны А.А. Аузану.

Литература

Капелюшников Р.И. Производительность труда и стоимость рабочей силы: как рождаются статистические иллюзии. Препринт WP3/2009/01. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009.

Капелюшников Р.И. Производительность и оплата труда: немного простой арифметики. Препринт WP3/2014/01. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014.

Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.

Научное издание

Наталья Васильевна Акиндинова
Ярослав Иванович Кузьминов
Евгений Григорьевич Ясин

Российская экономика на повороте

Подписано в печать 26.03.2014. Формат 60×88 1/16
Гарнитура NewtonС. Усл. печ. л. 1,7. Уч.-изд. л. 1,1
Тираж 1000 экз. Изд. № 1758. Заказ №

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел./факс: +7 (499) 611-15-52